

Сказав это, Цун Ле и сам опешил. Во-первых, прежде он никогда не лез в то, пьёт Юнь Цзи или нет. Во-вторых, тон вышел чересчур резким.

— Пришёл? — Юнь Цзи лишь слегка удивлённо взглянул на него и сделал глоток из стакана.

Кадык Юнь Цзи дёрнулся, когда он сглатывал. Под слоновой костью кожи проступали бледные синеватые венки — хрупкость, в которой сквозила скрытая дерзость.

В груди вспыхнула неопределённая, едкая ярость. Ему безумно захотелось грохнуть дверью и уйти.

Сидевший на диване высокий мужчина поднялся с улыбкой и протянул руку:

— Здравствуйте. Я Фу Цзян, брат Фу Цин, партнёра Юнь Цзи. У Сяо Цин возникли дела, так что я пришёл вместо неё.

Цун Ле окинул его холодным взглядом с ног до головы, проигнорировав протянутую ладонь:

— Я спешу. Если есть дело, ближе к сути.

Фу Цзян вовсе не выглядел задетым. Он взял со стола ещё один стакан, налил воды из графина и миролюбиво заметил:

— Ты ведь Цун Ле? Юнь Цзи часто о тебе рассказывает. Всё никак не удавалось выкроить время, а то давно пора было пригласить вас двоих на семейный обед.

— Спасибо, — Цун Ле принял стакан и к своему удивлению ощутил, что напиток тёплый.

На мгновение замешкавшись, он так и не сделал ни глотка, а просто поставил стакан на стол.

Юнь Цзи нахмурился, глядя на брошенный стакан. Он всегда глубоко уважал Фу Цзяня, который опекал его словно родного брата, и не хотел, чтобы тот терпел от Цун Ле хамство.

— Я не пью в рабочее время, — пояснил Юнь Цзи. — В графине ячменный чай, Фу-гэ принёс. Для желудка полезно.

Поскольку Фу Цин и Юнь Цзи росли вместе, а Фу Цзян был на несколько лет старше, он с детства относился к Юнь Цзи как к младшему члену семьи. Оброни как-то Фу Цин в разговоре, что Юнь Цзи снова пропускает приёмы пищи, Фу Цзян тут же попросил доставить из Пекина пару коробок отборного ячменного чая. Сам он, правда, этот заваренный крахмальный запах терпеть не мог, поэтому лишь принялся к свежезаваренному чаю и вернул стакан Юнь Цзи.

Однако для Цун Ле эти слова прозвучали иначе. Они лишь подчёркивали, насколько близки эти двое. Этот человек не просто знал о недомогании Юнь Цзи, но и специально привёз ему чай. А уж это мягкое «Фу-гэ» и вовсе выводило Цун Ле из себя.

Цун Ле готов был поклясться, что никогда не встречал этого мужчину, но в памяти всплыло чёткое ощущение, будто тот уже читал ему нотации. Смутный образ проливного дождя; капли с оглушительным треском бьют в оконное стекло.

— Где Юнь Цзи? — строго спрашивал голос Фу Цзяня.

И он помнил собственный равнодушный ответ:

— Он взрослый человек. С какой стати ему отчитываться передо мной, куда он идёт?

— Цун Ле, Юнь Цзи — твой возлюбленный! Ему плохо, но он всё равно поплёлся под дождём на твой концерт! Ладно, ты даже билета ему не оставил, но неужели после шоу нельзя было забрать его и вместе поехать домой?! Там же толпа, ливень, где больному человеку искать машину?! — раздался грохот, будто Фу Цзянь со швырком разбил что-то об пол.

— Я не просил его приходить. И он слова не сказал, когда уходил. Да и если ему действительно нездоровилось, зачем вообще было выходить из дома? — ответил собственный голос — холодный, непоколебимо уверенный в своей правоте.

Вспомнив этот разговор, Цун Ле ощутил, как в груди болезненно сжалось сердце. Внутри словно опрокинулось что-то ледяное, перехватив дыхание.

— Цун Ле? — голос Юнь Цзи вырвал его из глухой, давящей душноты.

Цун Ле выхватил у него из рук договор, бегло пробежал глазами страницу и замер на финальной строчке.

— «... В связи с истечением срока действия вышеуказанного договора, стороны прекращают сотрудничество»? — он резко вскинул голову.

Юнь Цзи всё так же неспешно потягивал ячменный чай:

— Если вопросов нет, подписывай. Ты ведь спешил? Оставшиеся бумаги и передачу дел я возьму на себя.

— С чего ты взял, что я расторгаю договор? — слова сорвались с губ прежде, чем он успел их обдумать.

Цун Ле кашлянул, сбивая темп речи:

— Внезапное расторжение? Моя команда к этому не готова. Ваша компания всегда так безалаберно относится к партнёрам?

Юнь Цзи посмотрел на него с изумлением, словно впервые видел стоящего перед ним человека.

— А для тебя есть разница, с кем работать? Ты здесь только потому, что контракт оформлен на твоё имя. Расторгнем его — и сможешь передать всю продюсерскую и рекламную работу собственной студии. Или найдёшь дистрибьютора солиднее «Безбрежного Моря». Разве это не упростит тебе жизнь?

Из-за этой бумаги любые дела Цун Ле — от съёмок и брендовых контрактов до выпуска альбомов — проходили через руки Юнь Цзи. Юнь Цзи досконально знал его целевую аудиторию, чувствовал рынок и тренды. Он берег Цун Ле от любой рутины, давая тому возможность заниматься исключительно музыкой. Но теперь у Цун Ле была своя студия, и взваливать всё на Юнь Цзи уже не требовалось.

Слушая его, Цун Ле всё сильнее хмурился:

— Я против расторжения.

— Срок действия истекает. Твоё «против» ничего не меняет, — Юнь Цзи не намеревался вступать в прения и рассчитывал просто закрыть вопрос. Раньше Цун Ле подписывал бумаги не глядя, широко размахивая ручкой — бог весть, вникал ли он вообще в текст.

Цун Ле со стуком бросил договор на стеклянный столик и ткнул пальцем в одну из строк:

— «В случае если дата расторжения договора не согласована обеими сторонами, инициатор расторжения выплачивает неустойку в размере десятикратной рыночной стоимости указанного противоположной стороной проекта».

— погоди, Сяо Цин не говорила мне ни о чём подобном, — Фу Цзян в замешательстве перевёл взгляд на Юнь Цзи. — Она сказала, нужно просто расторгнуть контракт, и попросила присутствовать в качестве свидетеля. Десятикратная стоимость... Это сколько?

Юнь Цзи опешил. Он был уверен, что Цун Ле с радостью ухватится за возможность разрыва. В личной жизни контактов можно избежать, но если рабочие связи сохраняются, они неизбежно будут сталкиваться лбами. В прошлой жизни Цун Ле шарахался от него как от чумы. Юнь Цзи полагал, что, избавившись от такого «банного листа», тот устроит праздник с фейерверками.

— У вашей компании на руках несколько моих свежих амбассадорских контрактов с

люксовыми брендами, — Цун Ле не сводил глаз с Юнь Цзи. — Выберите любой — и неустойки за него хватит, чтобы пустить вас по миру.

Из чужих уст подобное прозвучало бы как угроза или злая насмешка, но взгляд Цун Ле был предельно серьёзен. Стоило Юнь Цзи сделать шаг, и тот без колебаний претворил бы слова в жизнь.

И, надо признать, Цун Ле не преувеличивал. Фу Цзян обеспокоенно нахмурился:

— Сумма, конечно, подъёмная. Юнь-юнь, если нужна помощь...

— Что значит «не так уж много»? — на губах Цун Ле змеилась ядовитая усмешка. — Раз есть деньги, значит, на условия договора можно плюнуть? Юнь Цзи, для тебя документы хоть что-то значат? Ты ушёл из семьи Юнь только ради того, чтобы найти нового покровителя, который будет платить по твоим счетам?

— Заткнись, — тон Юнь Цзи стал ледяным.

— Я где-то ошибся? После ухода из семьи тебе не хватает денег? Знаешь, не обязательно просить у этого твоего «Фу-гэ». Я и сам могу тебя содержать, — Цун Ле вскинул голову, и в его потемневших глазах блеснула налившаяся краснота.

Он сам не понимал, зачем спускал на Юнь Цзи всех собак. Но когда Фу Цзян назвал того «Юнь-юнь», внутри будто прошлись раскалённым лезвием. Формулировки договора подпитали эту ярость, заставляя уколотое тщеславие наливаться болезненным нарывом. Ему казалось: если он не заставит Юнь Цзи корчиться от боли, эта дрянь внутри никогда не отпустит.

Однако, увидав, как Юнь Цзи хватается за грудь и медленно оседает, Цун Ле оцепенел.

— Юнь Цзи! — Фу Цзян подхватил пошатнувшегося парня. — Что с тобой?!

Юнь Цзи не мог выговорить ни слова, лишь с силой давил пальцами на грудину:

— Всё в порядке... Дай присесть... Пройдёт...

Похоже, эта дрянь проявилась только после перерождения. Стоило хоть немного переутомиться или перенервничать, как дыхание прерывалось, а сердце начинало бешено колотиться. С его вечно нездоровым желудком он поначалу списал приступы на спазмы. К тому же в последнее время приходилось судорожно сводить воедино дела этого периода: дедушка, Цун Ле, рабочая чехарда... На мелкие недомогания просто не оставалось времени.

Но услышав обвинения Цун Ле, он ощутил не столько гнев, сколько глубокую, разъедающую

горечь.

В прошлой жизни Юнь Цзи сорвал себе желудок на нескончаемых деловых пьянках. Избежать этого было невозможно: невзирая на богатство и статус, молодым нужно было умасливать каждого влиятельного воротилу. Юнь Цзи с его упрямым характером и хорошей выносливостью пёр напролом — ходил на любые встречи и пил не щадя себя. Особенно в самом начале, когда только познакомился с Цун Ле.

Цун Ле был слишком горд. Едва заявив о себе, он вляпался в неприятности, от которых боссы индустрии воротили носы. Чтобы вытащить его из опалы, Юнь Цзи пришлось обхаживать весь цвет шоу-бизнеса. Каждый нужный человек — это банкет, а каждый банкет — беспросветная пьянка. И Цун Ле не должен был ни о чём догадываться.

Сейчас, оглядываясь назад, Юнь Цзи отлично понимал, как это выглядело со стороны: избалованный богач, который каждый вечер возвращается пьяным в дым. Цун Ле наверняка рисовал себе картинки бесконечного кутежа и разврата.

Впрочем, какая разница? Ему просто было обидно.

Он не винил Цун Ле за неведение — сам же и скрывал изнанку. Но, как оказалось, в глазах Цун Ле он всегда оставался лишь папенькиным сыночком, прожигающим чужие деньги.

Юнь Цзи давно понял, что его любовь для Цун Ле ничего не стоила, но услышать такое в лицо... Боже, каким же идиотом он был! Прожить с человеком три года и всё ещё на что-то надеяться.

«Поделом мне. Сдохнуть — и то мало», — эта мысль прошила сердце острым шипом, оставив за собой тупую, невыносимую боль, от которой нечем было дышать.

Видя, как Юнь Цзи стремительно бледнеет, Фу Цзян занервничал:

— Как ты? Если совсем плохо, я прямо сейчас везу тебя в больницу.

Юнь Цзи лишь слабо качнул рукой.

— Ты совсем из ума выжил?! — безупречное воспитание Фу Цзяня окончательно дало сбой, и он набросился на Цун Ле. — Довести человека до такого состояния только ради того, чтобы заявить о нежелании расторгать контракт?! У тебя как у заказчика есть претензии — нельзя выразить их по-человечески?! Ты его парень! Он болеет, куска проглотить не может, глушит воду с сухарями, а тебе хоть бы хны! Ты ещё спрашиваешь, почему с тобой не хотят работать?! Да только конченный идиот согласится тянуть эту кабалу!

— Фу-гэ, — Юнь Цзи немного перевёл дух и опёрся о диван, выпрямляясь. — Всё в порядке. О

договоре поговорим позже. Я хочу домой. Мне надо прилечь.

— Встать-то сможешь? Может, пойдём ко мне? — Фу Цзян опасался оставлять его одного.

Юнь Цзи качнул головой:

— Не нужно. Правда, уже лучше.

Он поправил пиджак и повернулся к выходу.

Почти бессознательно Цун Ле шагнул следом и рванулся вперёд, схватив его за запястье — прямо поверх нефритового браслета. Но вместо ожидаемого живого тепла в ладонь упёрся ледяной, твёрдый камень.

— Отпусти.

Юнь Цзи даже не обернулся.

<http://bllate.org/book/20092/1990883>